

18+

Писательский клуб «Альманах»

Дорога перемен

Книга 2

Алия Латыпова

Дорога перемен. Книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57190133

ISBN 9785005121844

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Сборник «Дорога перемен» – это истории женщин, прошедших долгий путь внутренних инициаций. #Превращение из девочки в подростка, застывшего между мирами. Время последних игрушек, бабушкиных сказок и первых серьезных решений. #Становление девушки, живущей сердцем, эмоциями, страхами. Время мечтать, влюбляться, совершать ошибки, разочаровываться и начинать все сначала. #Новый мир и новые роли: жена, мама, хозяйка. Время принятия, внутренней трансформации, поиск себя и обретение гармонии.

Содержание

Алекс Лето	5
Анастасия Ворончихина	15
Мария Пугачева	33
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Дорога перемен

Книга 2

Составитель Алия Латыпова

Составитель Наталия Смирнова

Иллюстратор Анна Седова

© Анна Седова, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-0051-2184-4 (т. 2)

ISBN 978-5-0051-2181-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Алекс Лето

(@is_lesa)

ОНА

Наверное, не стоило идти вопреки воле обстоятельств. Не стоило не замечать доводы близких людей, и бороться с ними тоже не стоило. Обстоятельства остались, а вот она, похоже, не совсем...

Серое утро проникало сквозь заштрихованное дождём окно, ступало по половицам, разливалось дымкой по комнатам. Всё, что имело значение ночью, на рассвете становилось уменьшенной копией себя, а потом бесследно испарялось в разноголосии дня.

Она недвижно лежала в постели и ожидала, когда и её сон растворится, уступив утреннему напору. Сон, какая досадная оплошность, но всего лишь сон, миф, небытие... Будь это не сон, а явь, она бы непременно испугалась, будто действительно так могло стать, что ей хватило духу, достало смелости броситься в омут чувств с головой. Будто это она сама, настоящая, оставила и дом, и всех близких, и ушла за мечтой, за лентой на шляпе чудесного незнакомца. Как за путеводной звездой и светом свечи. За солнцем. За маяком на дальнем холме. За новой жизнью. И смыслом.

Но, конечно, то был только сон. Сейчас он погаснет, серое утро пробудит её всю, и очередной обыкновенный день расставит мысли и чувства по своим местам, где им и должно находиться. И так бы оно и случилось, но произошло неожиданное. Сон порвался, и отдельные его части остались, словно приклеенные, в настоящем. Как выползок змеи – может слезть тончайшим прозрачным чулком, а может сходить клоунами, то и дело цепляясь за чешуйки своей хозяйки. Её сон цеплялся за неё, повиснув на запястьях, висках и там, где стучит сердце. Хотелось смахнуть его с лица, и глаза застигались неведомой пеленой, стереть из памяти – и руки призрачно проходили сквозь одежду...

Она словно застряла меж двух миров – между сном и реальностью. И прежде, чем впасть в отчаяние, решила следующее:

– Это продолжается мой сон. Я ещё не проснулась или проснулась, но не окончательно. Надо досмотреть то, что держит меня там. Тогда, возможно, я смогу вернуться.

Она видела будто со стороны, как утренний свет, едва коснувшись её, медленно отступил, и где-то шёл дождь, а потом стало сумеречно. И темно. И снова рассветные блики скользили по предметам и по её телу, не касаясь мыслей. И вновь свет, и тьма. А между ними – безликая серость.

Меж тем ей снился один и тот же сон. О жизни за жизнью. О себе, идущей под руку с дорогим человеком. О новых надеждах, которыми наполнилось её сердце.

– Конечно, Вы можете надеяться на лучшее. – Доктор был спокоен и терпелив. – Но возвращаться или нет Ваша дочь должна решить сама. Медицина здесь бессильна.

Она слышала их слова. И чувствовала их скорбь. Она хотела бы вернуться, но здесь, в её сне, осталось так много недосказанного, неузнанного, непрожитого... Она непременно вернётся, но только потом, как станет возможно. Когда станет понятно, что она – это она. Может, в следующей жизни...

ЛЮБОВЬ И КОФЕ

Однажды мать сказала, что любовь – это желание разделить с кем-то чашку кофе на утренней террасе, разделить время, принадлежащее тебе одной. Мне тогда было пять...

Мы встретились летом прошлого года. Встречались за год до этого, и еще за год, и еще раньше. Каждый раз знакомились заново, говорили о чём-то и вновь расставались навсегда. Мы никогда не помнили подробности прошлых встреч, но знали, что эти встречи были.

– Здравствуйте, – вчера вечером ты окликнул меня снова. Мы долго смотрели друг на друга, прислушиваясь к себе, ловя знакомые интонации, узнавая друг друга, так и не узнав.

– Вы же любите кофе?

Я ответила, что люблю. Возможно, год назад ты уже спрашивал об этом. А может, даже помнишь, какой именно

Я пью.

– Чёрный со сливками?

Да, ты угадал.

– И с щепоткой кардамона.

– Я отчего-то так и подумал.

Мы сидели в открытом кафе на оживлённой улице, а с моря тянулись нити свежести и просоленных волн. Город вокруг бликовал светотенью, словно пазл с выпавшими тут и там кусочками мозаики, частью которого мы стали.

– Мне кажется, Вы должны любить чаек.

– Почему Вы так думаете?

– Ну, не только чаек, всех птиц вообще. – Ты несколько смутился, смуглыми пальцами повернул чашку вокруг своей оси, отчего кофе заплескался по стенкам, множа кардамонный аромат. – Вы так смотрите вокруг, словно привыкли видеть всё сверху, сквозь слепящие солнцем морские брызги. И ещё – Ваш цвет белый, возможно с свинцовым отливом в самой глубине... Я говорю совсем не о том? Простите.

– Да нет, о том. И даже во многом правы. Но мне больше по душе альбатросы. Они как-то... существеннее.

Интересно, в прошлые встречи ты тоже об этом говорил?

Мы долго бродили вдоль моря, от пирса до самых безлюдных уголков пляжа. Мне казалось, что я поднимаюсь высоко-высоко в небо, а потом стрелой несусь вниз, пикирую раз за разом, чтобы снова подняться туда, где режущий ветер и головокружительная синева счастья. Я знала, что распря-

ми я крылья там, на высоте, от них не останется ничего, они будут сломаны раз и навсегда, и я вместе с ними. Оттого-то оставалось одно – взмыть вверх, упасть вниз, взмыть снова – и вновь упасть. Много раз, стремящихся к бесконечности. Как и наши встречи.

Когда город погрузился под купол ночи, мы стояли под звёздами, держась за руки. Где-то мерцали огни, легкий бриз приносил осколки смеха и музыки.

– Можно я приду завтра?

– Да, приходи на утренний кофе. Я буду ждать.

Мы ещё долго не решались разнять рук. Мои – в его. После он ушёл, и я смотрела вслед, покуда последнее присутствие этого человека не стало лёгким всполохом ночного ветра.

Я проснулась с первой улыбкой солнца. Накрыла стол на террасе. И за чашкой кофе – чёрного, со сливками и щепоткой кардамона – думала о нашей встрече. Той, которая состоится через год...

ГЕОРГИНЫ

Холодные, обращённые внутрь себя скалы, равнодушно смотрели вниз, в такое же холодное, северное море. Частично покрытые мхом, уходящие в туман на линии горизонта – они казались мёртвыми, отжившими своё истуканами. И всё же они жили. Об этом говорили гнёзда птиц в скалистых расщелинах, одинокие кустики травы на почти верти-

кальных склонах, серые волны, с шумом падающие к их каменным ногам. И ещё – упрямый, горделивый вид, отчётливо дающий понять, что они многое повидали до твоего рождения, и ещё столько же повидают после, так о чём же тревожиться в этой недостижимой вечности?

Анна долго стояла на краю обрыва. Ветер студил плечи, обдавал взвесью мельчайших водяных брызг, проникал под одежду и кожу... Но холода она не чувствовала. Впрочем, казалось, она ничего не чувствовала. Дома ждали муж и двухмесячный сын, чисто прибранная кухня и подаренные мужем георгины. К этим-то георгинам и возвращались постоянно её мысли.

– Что с ними не так? – навязчиво крутилось в голове. А ветер вторил:

– Не та-аак, не та-аак...

Собственно, сегодня годовщина их свадьбы. Утром Анна лежала в постели и с тревогой прислушивалась к звукам с кухни. Муж, как это часто бывало, старался не будить её.

– Тебе надо больше отдыхать, дорогая.

Он сам приготовил себе кофе и омлет, тихо играло радио, в окнах робко растекался серебристо-розовый рассвет. Потом проснулся сын, завозился, зазвучал. Пришлось встать и, покормив маленького, спуститься вниз.

– Доброе утро, милый, тебе следовало разбудить меня.

– Ты так сладко спала, и тебе нужно больше отдыхать, дорогая.

Он улыбнулся, поцеловал в щёку. Как всегда, Анна прошла сквозь эту странную смесь чувств – ласку, благодарность, странность, отчуждение, недовольство собой...

Взгляд упал на букет ярко-розовых георгинов. Словно проснувшееся наконец северное солнце окрасило их своими рассветными мазками.

– О, дорогой!

– С нашей годовщиной. Ты сделала меня самым счастливым.

На одном из цветов висел необычный кулон – серебряная отполированная поверхность и жемчужина. Анне виделось вспененное серое море и чайка, кружившая над самой водой...

Весь день всё валилось из рук, а взгляд постоянно цеплялся за букет георгинов. Показалось, или они незаметно меняли цвет – от ярко-розового утром до желтоватого в полдень и бело-розового к вечеру?

Любая женщина на месте Анны была бы счастлива. Любящий красивый муж, здоровый щекастый малыш, добротный дом, уютная жизнь. И Анна была. Только отчего так невероятно сложно подстраиваться под это размеренное течение жизни? Встать пораньше и сварить мужу кофе, поболтать с соседкой, поиграть с сыном, украсить дом и испечь праздничный пирог – это же так просто и естественно, разве нет? Георгины качали головками:

– Нет, вовсе нет.

Вечером Анна не выдержала:

– Дорогой, я уйду на полчаса? – И выскочила за дверь.

И теперь, наедине с морем, с которым привыкла делиться сокровенным с самого детства, проветривала душу. Море всегда понимало и принимало, с ним можно оставаться собой. И возвращаться к нему, как к себе, тоже.

– Может, пришло время?

Дома ждали георгины, и возвращаться к ним отчего-то не хотелось. Она нащупала на груди кулон – море и чайка. Да, чайка как раз пролетала над вспененной поверхностью волн, прекрасная, свободная.

– Как я хотела бы стать как она, – подумала Анна.

– Ты такая и есть, – ответило море.

А кулон нежно грел замерзшие пальцы...

Утреннее солнце обнимало лепестки георгинов – ярко-розовый символ верности, свободы, всепобеждающей силы жизни.

МАТЬ

Никто не знал, сколько ей лет. Говорили, что она пережила внуков своих внуков, но можно ли тому верить?

Каждый день её видели сидящей у порога дома, глядящей далеко вперёд и одновременно никуда почти слепыми глазами. Рядом, на скамье лежала хлебная лепешка и молоко, выносимые одной из родственниц, больше она ничего не ела.

Все её звали Матерью, утверждая, что находятся с ней в той или иной степени родства.

– Доброго дня, тебе, Мать, – говорили все, кто проходил мимо.

И она тихо кивала, прикрывая глаза от солнца ветхим соломенным зонтиком.

Иногда кто-то приходил за советом. Мать всегда усаживала гостя рядом с собой на скамью, протягивала ему кусок лепешки, а после внимательно и молча слушала. Так проходили часы – за рассказом, жалобами, слезами и смехом сквозь них. Когда пришедший уставал, Мать кивала на хлеб, словно говоря:

– Подкрепи силы.

А потом снова слушала и слушала, и слушала. На закате, когда дальние поля окрашивались в охристо-розовые перья и принимали на ночлег солнце, она накрывала руку посетителя своей маленькой рукой.

– Ну как, – будто говорила эта рука, – стало полегче?

И ладонь гостя удивлённо отвечала:

– Да, Мать. Ты знаешь, стало...

– Я знаю, знаю.

К ней приходили за благословением в день свадьбы. Мать усаживала молодых по обе стороны от себя, разламывала лепёшку и отдавала им по половине.

– Пусть в вашей жизни всего будет поровну, а вы станете единым целым.

И жених с невестой кланялись, благодарили и хранили тот хлеб всю жизнь.

К ней приносили младенцев. Мать клала ладонь на лоб новорожденного и желала ему долгой и удивительной жизни.

– Не то счастье, что гладко бежит, а то, что не устаёт спотыкаться и припадать к земле, а после вставать и видеть над собой небо. Тогда и хлеб вкуснее, и солнце ярче, – говорила она и наделяла младенца лепёшкой.

Бывало, звали её на погребение.

– Знаю, всё уже знаю, – качала Мать головой.

– Откуда же знаешь?

– Мёртвые громко говорят, надо только уметь слышать.

Вот, положите на могилу, – и она отдавала нетронутую лепёшку хлеба.

Однажды, в самом последнем часу заката Мать легко и бесшумно покинула этот мир. Её нашли по-прежнему сидящей на скамье, а вокруг было множество хлебных крошек, на которые слетались всё новые и новые птицы.

– Пусть едят вдоволь, – словно слышали её голос все прибежавшие на новость жители деревни. – Это души усопших пришли проститься.

И каждый живущий вспомнил всех мёртвых, ушедших давно и на этом закате.

И каждый вспомнил Мать – женщину без возраста и примет, с которой все они были в родстве...

Анастасия Ворончихина

(@fairy_petelka)

ЧЕТЫРЕ НОТЫ ДО МЕЧТЫ

Нота ДО. Двенадцать лет

Лиза плелась по ненавистному тусклому коридору, оставляя позади себя одну за другой тонкие двери. Настроения не было. Она силой воли заставляла ноги передвигаться. Все пять лет, которые Лиза проходила этот коридор, он не освещался. Хотя несколько обесцвеченных временем абажуров-фонарей, обрамлённых старой паутиной, висели по всей его длине. Источником света служили лишь два окна в начале и конце коридора. Музыка доносилась из дверей и сливалась в надоедливую, тошнотворную какофонию. Сделав несколько шагов, Лиза остановилась, тяжело вздохнула, собрала с духом и постучала.

Тишина. Лиза открыла дверь. Внутри никого. Она неуверенно вошла.

– Не бойся! Смелее! – донёсся еле уловимый писк со стороны письменного стола

Лиза отпрыгнула. В ужасе огляделась по сторонам. Попятилась назад к двери. Тихо. «Мерещится, что ли?»

– Ну чего ты, трусиха. Здесь я, на столе. Не робей.

На полусогнутых ногах Лиза подошла к почти пустому столу. Несколько разбросанных шариковых ручек, деревянная линейка, открытый журнал. Всё как прежде. «А это что?» Лиза склонилась над столом. На краю столешницы подмигивал настоящий скрипичный ключ. Был он не больше дюйма. Нарисованный наспех простым карандашом ключ будто сбежал с листа бумаги. Сверху над ним сверкала надпись «Мечта». «Он, что ли, говорил?» – про себя подумала Лиза.

Только она хотела дотронуться до ожившего ключа, как внутрь кабинета ворвался до боли знакомый резкий запах лаванды. Перед Лизой стояла Елена Альбертовна.

– Садись, что время терять! – не глядя на Лизу, сухо произнесла женщина и направилась к окну.

Забыв о скрипичном ключе, Лиза села на стул, поправила складки на юбке, одновременно вытирая пот с ладоней.

– Не тьяни! Начинай! Сразу двумя руками! – Елена Альбертовна, облокотившись на подоконник, смотрела в окно.

Пока глаза вслед за пальцами пробегали: «Белая, чёрная, белая, чёрная, белая... и по нисходящей обратно. Белая, белая, чёрная...», мысли проговаривали: «До, до диез, ре, ре диез, ми, фа, фа диез, соль...»

– Пальцы! За пальцами следы! Куда мизинец оттопырила! Сгруппируй! Почему левая рука постоянно опаздывает? – Елена Альбертовна закипала.

Всё внимание Лизы было сосредоточенно на руках.
«Соль, фа диез, фа, ми...»

– Ты ритм вообще слышишь? Боже! Ещё раз! Пальцы: первый, третий, первый, третий, первый, второй, третий... – Елена Альбертовна чеканила каждое слово. – Обрато... Третий, второй, первый...

Пальцы старательно бегали по клавиатуре. Невыносимые гаммы. Бесконечные ненавистные нудные повторения! До, до диез, ре... Звуки разлетались по кабинету музыки, дотрагивались до стен и потолка и быстро отскакивали, возвращаясь на бело-чёрное полотно из слоновой кости.

И вдруг удар по рукам линейкой. Резкая боль пробежала электрическим током. Через секунду появилась алая тонкая полоска на тыльной стороне ладони. Из глаз брызнули слёзы. Нос захлюпал. Пухлые губы сжались в тонкую линию. Елена Альбертовна встала рядом.

Лиза не поднимала головы от клавиатуры. «Ненавижу! Хоть бы уже крышкой пальцы передавило! Провались всё. Сегодня последний раз! Больше не приду! Дура! – кричал внутренний голос. – Чего радовалась в семь лет, когда поступила в музыкалку? Чего трепетала, открывая крышку новенького пианино?»

В голове возникли картинки из прошлого. Двое мужчин в рабочей одежде с трудом втащили инструмент в небольшую комнату. Лакированное дерево, блестящие клавиши, тугие педали. Тогда, пять лет назад, маленькая девочка с дву-

мя белыми бантами тоненьким указательным пальцем старательно давила на каждую клавишу, слушала звук, а потом медленно отрывала палец, наблюдая, как та натужно возвращается на место.

– Мамочка! Я буду пианисткой? – лицо улыбалось. Глаза искрились счастьем.

– Конечно! Если будешь трудиться, – мама погладила дочь по голове. Если б Лиза тогда знала, что эта её мечта о ненавистном пианино вгонит маму в несусветные долги, которые она оплачивает до сих пор. Зашивает стрелки на колготках, не позволяя себе купить лишней пары, и не знает, что происходит здесь.

– Где ты витаешь? Ещё раз! Весь урок будем пилить одно и то же, раз дома на это ума не хватает!

До, до дизь, ре, ре дизь ми... Елена Альбертовна держала в правой руке карандаш, который нервно отстукивал ритм по полированному корпусу старого инструмента. Лизины пальцы механически нажимали на клавиши в такт.

И вдруг снова удар. Но другой. Открытая ладонь прилетела чуть ниже затылка. Голова отпружинила, а тугой пучок Лизиных волос от удара развалился, разбросав волосы по спине.

– Хватит! – завизжала девочка. – Мне больно.

Лиза вскочила. Стул, на котором она только что сидела, отшатнулся и упал набок. Елена Альбертовна растерялась лишь на секунду, а потом спокойно выпалила:

– Иди! Сюсюкать не буду. Ты не маленькая. Просто слабачка, которая ничего не добьётся в жизни! Пианистка недоделанная!

Слова толкнули в спину. А потом ещё и ярким светом обожгло.

Лиза, которая только что хотела сбежать с урока фортепиано, развернулась, подняла стул и села за инструмент. Бросила взгляд на пюпитр крышки пианино: «Вот оно откуда, ощущение ожога от яркого света». Лизе подмигивал скрипичный ключ не больше дюйма, нарисованный простым карандашом, со светящей надписью «Мечта». А в голове маленькая семилетняя девочка задавала маме вопрос: «Я стану пианисткой?»

Нота МИ. Двадцать два года

Ночной звонок разбудил Лизу.

– Собирайся, через пятнадцать минут за тобой заеду.

– Арман, ну, пожалуйста, не сегодня. Ты же обещал, – протяжно протянула сквозь сон Лиза.

– Малыш, надо. Поторопись! У тебя уже четырнадцать минут.

Приятный тембр Армана будоражил каждую клеточку. Даже не видя его, она ощущала древесно-табачный аромат любимого мужского парфюма, а перед глазами возникал такой родной армянский профиль с трёхдневной щетиной. Ли-

за спешно вскочила. Прохлада ночи пробежала по ещё теплой после сна коже. Лиза на бегу побросала в косметичку тушь, пудру, блеск для губ – накрасится по пути, в машине. Натянула чёрное трикотажное платье-футляр. Уже в прихожей схватила папку с нотами.

– Меня забыла! – запищал скрипичный ключ из комнаты.

– Прыгай, – скомандовала Лиза, открыв сумку. Это непонятное существо, ожившее когда-то десять лет назад в кабинете музыки, стало для Лизы своеобразным музыкальным ангелом-хранителем. Она даже имя сказочному покровителю со временем придумала: Клюк – производное от «скрипичного ключа» и фамилии немецкого композитора Кристофа Глюка. Клюк помогал Лизе противостоять трудностям и напастям. А было их с тех пор не мало. В семнадцать сразу после поступления в музыкальное училище умерла мама. В двадцать выгнали из студенческого общежития. А в двадцать два, поступив на платное отделение в консерваторию, она стала выживать за счёт случайных заработков и репетиторства.

Клюк не тревожил по пустякам: поэтому не оживал внезапно, но всегда составлял компанию, когда Лиза выступала или, как сейчас, ехала с Арманом на важное мероприятие.

Когда Лиза вышла из подъезда, серый минивэн уже встречал её открытыми дверями.

– Опаздываешь, малыш, – недовольно произнёс Арман с водительского сидения. – Переодевайся живо!

– Что это? – двумя пальцами Лиза приподняла лежащий рядом ажурный, полупрозрачный пеньюар чёрного цвета.

– Будешь играть в этом. Клиент просил. Отказать невозможно.

– Арман, нет. Я пошла тебе навстречу, когда ты нашёл дядьку, которого клинит на живую музыку по ночам. Но я не проститутка. Выступать в полуголом виде я не собираюсь.

– Малыш, пойми. Клиент запал на твоё исполнение. Он платит баснословные деньги. За красивую музыку и антураж. Неужели нельзя поступиться никому не нужными правилами? Тебя он пальцем не тронет. Чего ты недотрогу включаешь?

– В смысле? Ты меня уже ему продал? Какой процент он тебе платит? – Лиза негодовала. – Останови машину. Я не буду в этом участвовать.

Лиза метнулась к выходу, дёрнула ручку автомобиля. Дверь была заблокирована.

– Открой немедленно! – визжала Лиза.

Минивэн бесшумно остановился. Через мгновение внутри салона оказался Арман. Он притянул Лизу к себе и впился влажными губами в приоткрытый рот. Дыхание стало прерывистым. Девушка обмякла, обвила руками мужскую шею, но Арман тут же её отстранил.

– Лиз, я ж ради тебя стараюсь. Тебе ведь нужны деньги, – мужчина говорил заискивающе.

Лиза отпрянула. Закусила губу.

– Ненавижу!

Безысходность, злость вперемишку с безответной любовью пронзали сердце. Хотелось кричать от обиды, отчаяния и неугасимой муки.

Через полчаса Лиза, зажав в ладони Клюка, дрожа всем телом, входила в полутёмное помещение с небольшой сценой. Посредине стоял рояль, освещаемый вокруг несколькими свечами-таблетками. Где-то в глубине комнаты должен был сидеть тот самый Клиент. Полуобнажённая, она постаралась незаметно проскользнуть перед невидимым зрителем, занять место перед инструментом, чтобы начать музицировать.

В помещении Лиза отчётливо видела только клавиатуру перед глазами. Всё остальное скрыла тьма. От страха сердце бешено колотилось. По телу пробежал неуютный холод. Лиза склонилась над чёрно-белыми клавишами.

– Шопена, пожалуйста, – услышала она сдавленный голос, похожий на скрип. Лиза повернула голову на звук. Даже прищурилась, пытаясь различить силуэт. Тщетно. Темнота висела перед Лизой плотным театральным занавесом.

Лиза прикрыла глаза, пытаясь успокоиться. Она улыбнулась Клюку – он озорно ей подмигивал и махал невидимой дирижёрской палочкой. Затем несколько раз выдохнула и заиграла. Рояль послушно издал печальные звуки. Тонкие пальцы, словно птицы, запорхали по клавишам. Ажурные переливы аккордов слились в тонкую гармонию. Звуки арпе-

джию заполнили темноту нежностью и романтизмом. Форте сменяло пиано. Крещендо растворялось в диминуэндо. Лиза так погрузилась в обволакивающую музыку, что не заметила, как сзади вплотную к ней подошла фигура и остановила руки пианистки. В нос ударил резкий запах лаванды. От неожиданности Лиза вздрогнула. Подняла глаза.

– Елена Альбертовна? Откуда Вы здесь? Вы... Клиент? – Лиза вскочила, стала прикрывать руками то, что едва прятал ажурный пеньюар.

Елена Альбертовна, глядя на бывшую ученицу, с укоризной покачала головой.

– Не совсем. Я за него сегодня. Я как узнала, что это ты... В общем, пришла спасать тебя из этого вертепа. Дурочка, что же ты с собой делаешь?

Она потащила Лизу вон из зала.

– А Арман? – на ходу спросила Лиза, оглядываясь по сторонам.

– А с этим идиотом я тебе вообще запрещаю иметь дело.

Нота СОЛЬ. Тридцать два года

День за днём, месяц за месяцем жизнь Лизы постепенно покатила по привычным женским рельсам. Она вышла замуж за дирижёра филармонии. Сама играла в оркестре. Периодически участвовала в конкурсах пианистов, становилась в них лауреатом. Днём была музыкантом, вечером – любя-

щей и любимой женой.

А ещё Лиза родила долгожданного Антошку. Вынашивала его легко. Только в последние три недели перед родами появились страшные головные боли, на которые гинеколог не обращала внимания, отмахиваясь: мол, что хочешь, тебе уже за тридцать. Раньше таких возрастных, как ты, старородящими называли. Лиза тоже отмахнулась. А во время потуг у неё случилось кровоизлияние в мозг. Врачи боролись и за неё, и за ребёнка, спасли, но инсульт обездвижил самое ценное для пианистки – левую руку.

Целый месяц после выписки из роддома в квартире Лизы орали два человека: молодая женщина тридцати двух лет от жалости к себе и безысходности и младенец, просто потому что так грудничку природой было написано.

В тот самый момент, когда отчаяние и собственное бессилие накрыли Лизу с головой, появилась Елена Альбертовна с партитурой концерта Равеля для левой руки.

– Садись и играй! – безапелляционно скомандовала бывшая учительница.

– У меня левая не рабочая! – парировала Лиза.

– Играй! – настаивала Елена Альбертовна.

– Не могу!

– Играй, я сказала.

Сверху с крышки инструмента на упёртую Лизу и не менее упёртую Елену Альбертовну смотрел Клюк. Его скрипичное тельце потеряло блеск, да и вообще с тех пор, как Ли-

за заболела, он в первый раз за двадцать лет ослаб. В нём исчезли задор, авантюризм, радушие, музыкальный азарт. Лиза его не замечала. Ей было не до него. И от этого Клюк страдал.

А в комнате словесная баталия выходила на кульминационное глиссандо.

– Тогда вставай и иди! Вари борщи! Стирай пелёнки! И с одной рукой приноровишься! Антошка тебя и такую будет любить. А муж... Прости, девочка, он, в конце концов, сбежит. Калекой ты ему точно будешь не нужна. Ах да, ещё! Ты всё-таки слабачка! А ещё пианисткой называешься!

Лиза слушала каждой напряжённой мышцей. Всё её тело в один миг превратилось в натянутую струну, по которой пробегают быстрые арпеджио воспоминаний. Вот она, двенадцатилетняя девочка, которая принимая удары за ударом от гневной учительницы, осталась в классе музыки. Тогда она сжала всю волю в кулак, не убежала от грубых унижений и оскорблений и пошла вперёд навстречу мечте, потому что честолюбие взяло верх. Ввергнуть себя в бездну отчаяния или вознестись на вершину победы и радости? Тогда ответ для Лизы оказался очевидным. А сейчас? Что изменилось в ней сейчас?

Лиза с остервенением сжала правой рукой левую так, что ногти оставили глубокие следы, и поставила руку на клавиатуру. Она стиснула зубы, сжала губы. Слезы катились градом. Лиза с ненавистью смотрела на обездвиженную руку.

Силой мысли пыталась на неё повлиять.

– Давай! Играй! Лизка, ты сильная! – за спиной стояла Елена Альбертовна.

– Она не слушается меня! – глотая слёзы, кричала в голос Лиза.

– Заставь её! – перекрикивала Елена Альбертовна.

– Может, по ней линейкой вдарить? – жалостливые глаза Лизы с надеждой посмотрели на постаревшую учительницу.

– Девочка моя, линейки уже не те. Я в своё время лупасила тебя деревяшкой, а тут пластик. Он ещё на подлёте к рукам ломается. Да и мне уже почти семьдесят. Сила удара, извини, не та, – с иронией произнесла Елена Альбертовна.

Лиза сверлила руку глазами.

– Играй! – заорала Лиза, обращаясь к ней. Та не шелохнулась. – Играй!

Ни малейшего движения. Правой рукой Лиза силой стала передвигать каждый палец на левой. Потом хлётко ударила по руке. Затем ещё раз, и ещё. С ненавистью отшвырнула руку. Та, неподвижная, упала на колено. Лиза открыла ноты и правой рукой сыграла то, что было предназначено для левой. В целом, концерт Равеля оказался музыкальным палиндромом. Кроме одного места, до которого противоположной рукой было не дотянуться, Лиза сыграла всю партию, фактически не меняя ни одной ноты.

– Поняла, как надо? – Лиза обращалась к левой руке, как к человеку, и ждала ответа. Рука едва дёрнулась.

Но не от слов. Лиза не поняла, в какой момент, но на тыльную сторону ладони упали две слезинки. Плакал Ключ. Подняв на него глаза, Лиза ужаснулась. Только сейчас она обратила внимание на своего сказочного друга. Сердце сжалось – никогда прежде она не видела его таким убогим и помятым.

– Ключ, милый, улыбнись. Мы справимся, – еле слышно прошептала Лиза, и скрипичный ключ слегка засветился от произнесённых слов.

Лиза погладила онемевшие пальцы. Рука дёрнулась именно от слёз Ключа, но Лиза поймала это ощущение и теперь верила, что у неё всё получится.

Нота ДО. Сорок два года

Лиза держала худую, морщинистую руку Елены Альбертовны и целовала каждый её палец. Неделю она не отходила от прикованной к постели старой учительницы. Та, то приходила в сознание, то вновь погружалась в небытие.

– Помочь ей я уже не в силах. Просто ждите – она скоро отойдёт. А станет хуже, звоните в скорую, – сухо отчеканила молоденькая врач-терапевт, которую Лиза вызвала три дня назад.

«Она скоро уйдёт», – Лиза пыталась привыкнуть к страшной мысли, тихо плакала и ждала.

А пока ждала, вот уже неделю кадр за кадром вспоминала жизнь, в которой Елена Альбертовна оказывалась то насто-

ящей кровопийцей, изнуряющей бесконечными этюдами, то мудрой советчицей, но чаще ангелом-хранителем, который всегда был рядом.

Лизе семь.

– Зачем ты пришла учиться в музыкальную школу? – спросила Елена Альбертовна робкую, маленькую девочку с огромными распахнутыми глазами.

– Собираюсь стать пианисткой, – Лиза с неопишым восторгом и восхищением, как на небожителя, смотрела на преподавателя музыки.

Елена Альбертовна одобрительно кивнула:

– Цель есть. А дальше посмотрим. Начнём с постановки пальцев, Лиза.

Лизе семнадцать.

– Елена Альбертовна! Мама... Её больше нет! Как жить... дальше? – голос Лизы срывался и тонул в слезах и всхлипываниях.

– Сейчас приеду, девочка. Дождись.

Лизе двадцать два.

– Но как? Как Вы узнали, что я здесь играю по ночам? – Лиза на высоких шпильках едва поспевала за Еленой Альбертовной. Та тянула девушку за руку, выводя из полуподвального помещения, которое служило концертным залом,

снятым в аренду.

– Клиент – мой муж, бывший музыкант и конференсье, – вздыхала Елена Альбертовна. – Сколько девиц я вытаскивала из его постели в своё время. А сейчас он просто старый развратник, скучающий по молодому телу.

– Ваш муж? – Лиза не могла поверить.

– Да, девочка, – с обречённостью в голосе произнесла Елена Альбертовна. – Сам-то из себя уже ничего не представляет, но продолжает тосковать по юным пианисткам, «виртуозно затрагивающим струны его стареющей души». – Елена Альбертовна, будто цитируя мужа, артистично, но пренебрежительно произнесла последнюю фразу. – Тебе ещё повезло, что он ни разу не захотел с тобой сыграть в четыре руки. Пальцы, скованные артрозом и не поспевающие за быстрым стаккато, да похотливые взгляды дряхлеющего старика, – то ещё удовольствием, скажу я тебе. Пусть и за деньги.

– Но как Вы узнали?

– Я долго закрывала глаза на его ночные музыкальные вылазки. Пока в его записях случайно не увидела среди «пассий» тебя. Тут-то у меня что-то ёкнуло. Я взбунтовалась и решила во что бы то ни стало спасти твою душу.

Лизе тридцать пять.

– Они не дали мне шанса и уволили, – причитала Лиза в трубку. – Как теперь жить без сцены?

– Найти себя можно везде. Попробуй писать партитуры, –

предлагала Елена Альбертовна. – А вообще, ты нужна мужу и сыну. Вспомни, что ты жена и мать.

– Да какая мать! Я играть хочу! Я умру без сцены. Я всё-таки слабачка, да?

– Нет, Лиз. Таких сильных, как ты, ещё поискать, – гордо произнесла Елена Альбертовна.

Лизе сорок.

– Я не хочу, чтобы Антон тоже занимался музыкой. Как его переубедить?

– Никак. Не обрубай сыну крылья. Вспомни, как ты бежала за мечтой, – Елена Альбертовна гладила по голове взрослую ученицу. – И начни уже писать музыку.

Лизе сорок два.

Ещё две недели назад она пила с Еленой Альбертовной кагор и размышляла о будущем.

– Не бойся ты этой должности, Лизка. Не сидеть же всё время дома. Ты сильная и сможешь руководить, – скрипучим старческим голосом говорила учительница. – Сохрани в себе музыку, Лиза. Ты музыкант от Бога.

– Но ведь рука... Какой я без неё музыкант?

– Да что ты всё заладила: «Рука, рука...». Да, за десять лет после инсульта ты не смогла полностью восстановиться. Не можешь исполнять сложные пассажи и выступать на сцене. Но музыка-то в тебе осталась. Почему ты это забываешь?

Вот и неси её людям. А директору музыкальной школы достаточно и той руки, которая подписывает приказы и грамоты.

* * *

Лиза завернула в тусклый коридор. Сделав шаг, она остановилась. Нащупала рукой тумблеры на стене и включила их один за другим. В коридоре зажёгся свет. Впервые за долгие годы Лиза увидела всё те же абажуры-фонари, обрамлённые старой паутиной, которые теперь освещали коридор по всей его длине. Лиза медленно проходила дверь за дверью. Сейчас было тихо. Но закончится лето, и из них снова будет доноситься музыка. Приятная, сладостная, любимая. Пройдя ещё несколько шагов, Лиза остановилась, тяжело вздохнула, собрала с духом и распахнула дверь. Тишина. Глаза ослепил яркий свет, а в нос ударил до боли знакомый резкий запах лаванды, который, похоже, вьётся в каждую трещинку на стене.

Пустой кабинет музыки. Тот самый, который сделал её стойкой и научил мечтать.

Лиза открыла сумочку и тихо произнесла:

– Вылезай.

На голос выглянул скрипичный ключ и растерянно огляделся по сторонам.

– Ну чего ты, Ключ? Не робей. Теперь это будет твой

дом. Скоро сюда придут дети. Научи их, как меня, идти к мечте. Без страха и сомнения. Клюк осмелел. Пробежался по письменному столу, на котором лежали деревянная линейка и несколько шариковых ручек, и остановился на краю столешницы, там, где тридцать лет назад Лиза впервые его увидела. Подмигнув ей, Клюк сказал:

– Договорились! Только линейку забери. Не нужна она на пути к мечте.

Мария Пугачева

(@mashka_pugacheva)

ПЕРВЫЙ ШАГ

Мари медленно плелась домой.

«Наверняка он не позволит мне уехать» – крутилось в голове.

Предстоящий разговор с отцом вызывал у неё ужас.

«Надеюсь мама с ним уже поговорила»

Отец у Мари был человеком строгим, жестким и непреклонным. А разговоры с ним были всегда короткие. Слушать он не любил, часто перебивал, и на все, что шло в разрез с его убеждениями следовал жёсткий отказ. Подход к нему знала только мать. С ней он был терпелив и нежен.

Поэтому Мари первым делом обратилась с просьбой именно к маме.

– Я попробую с ним поговорить, но не обещаю. Мне и самой не хочется тебя отпускать, всё-таки чужой город.

Поднимаясь по лестнице, впервые Мари пожалела, что живет на третьем этаже, и путь наверх показался чересчур коротким.

Потоптавшись с минуту около входной двери, она вздохнула, и тихонько открыла дверь.

В глубине квартиры были слышен бас отца и тихий голос мамы. Мари быстро скинула ботинки и прошмыгнула в комнату.

– Ей всего 15! – голосил отец, – какие ей каникулы! Нет, пусть остаётся дома.

#Мари тихонько сжала маленький кулончик висевший на груди, и почувствовала пульсирующий горячий металл в руке.

#Эту самую подвеску она подобрала однажды у забора заброшенного дома. На вид кулон был простеньким: камень в форме капли, обрамлённый белым металлом, местами почерневшим. Мари сама не знала, чем привлекла ее эта безделушка, но с тех самых пор с ней не расставалась, чувствуя то ли невидимую поддержку со стороны металла, то ли успокоение.

Она закрыла глаза, и голоса за дверью стали чуть тише, разобрать слов не получалось. Она рухнула в кресло, стала ждать, медленно перебирая кулон.

Страх стал потихоньку уходить, уступая место мыслям. Но ухватится хотя бы за одну было сложно, она на миг представила свою голову в виде пчелиного улья, а собственные мысли в виде бесноватых пчёл.

#Конечно, ей хотелось поехать в другой город на каникулы, и будет очень неудобно перед друзьями, если отец не позволит. Мари тысячу раз представляла себе это путешествие, как будет идти одна по набережной, смотреть на витрины ма-

газинов, гулять с друзьями допоздна, не переживая о времени, как взрослая. Как она наконец-то познакомится с Максом, с которым они так долго общались по телефону, но ни разу не виделись.

Однако, была ещё одна тревожная мысль, которую она гнала прочь и стыдилась ее. Ей было страшно. Страшно представить, если она не понравится Максиму. Страшно уезжать от родителей. Страшно было оказаться одной в чужом городе. Волнение и страх неизвестности внезапно обострились и грозили принять опасные формы.

«Черте что» – разозлилась на себя за эти мысли.

Она резко встала с кресла и услышала шаги.

«Ну, точно. Не разрешат» – подумала она, вздохнула и почувствовала предательское облегчение.

В комнату вошла мама.

– Что сказал отец?

– Он не против. Можешь поехать, только с одним условием...

– Ну конечно, как же без условий, – пробурчала Мари.

– Не груби, мне было нелегко уговорить отца. На вокзал поедешь с отцом, он сам посадит тебя на поезд. Договорились?

Мари кивнула в ответ.

«Спасибо, мама» – прошептала она закрывающейся двери.

Она улеглась в кровать и стала мусолить одну и ту же

МЫСЛЬ.

«Лучше бы не разрешил. Было бы легче».

Она засыпала и не заметила, как кулон снова вспыхнул.

ПОСЛЕДНИЙ ШАГ

Она сидела на деревянном крыльце и крутила в руках травинку.

Солнце скрылось за облаками, но в воздухе чувствовался жар июльского дня. Мари проследила взглядом за ребятами играющими в футбол, и ощутила умиротворение.

Она и подумать не могла, что эта поездка перевернёт ее мир. Здесь она была счастлива. Здесь был он.

Ей нравилось вспоминать первую встречу с Максом.

После долгой дороги, она с трудом вышла из машины, потопталась на месте, разминая затёкшие ноги, с любопытством осмотрела окрестности. Небольшой посёлок, маленькие деревянные домики с яблоневыми деревьями на стриженных лужайках. Никаких резных створок, монолитных заборов и каменных дорожек. Обычная деревня. И это, как ни странно, ее успокоило.

– Пойдем, познакомлю тебя с Максом- сказала Яна, с которой они вместе приехали на каникулы.

Мари от волнения схватилась за свой кулон и он обжег ей руку.

«Успокойся» – прошептала она и пошла вслед за школь-

ной подругой.

Обойдя дом, они вышли на садовую тропинку. Навстречу, приветливо улыбаясь, шёл парень. Она тысячу раз представляла себе этот момент.

Широченные и нелепые штаны неуклюже свисали с мужской талии, сверху топорщилась объемная кофта. И даже в таком виде ему удавалось не выглядеть законченным придурком.

– Привет, я Макс! махнул он рукой.

Мари смутилась, и не придумав ничего лучше, скрыла своё волнение за безразличием.

Сейчас, расположившись на деревянной ступеньке она с улыбкой вспоминала все проведенные месяцы вместе, от их неловкой встречи до первого, смущенного поцелуя. Любовь витала в воздухе, Мари ощущала ее кожей. Макс был заботлив и внимателен, как никто и никогда. И она наслаждалась новым и таким внезапным чувством.

От воспоминаний, щеки вспыхнули жаром. Только навязчивая мысль о скором расставании, портила Мари настроение. Она была не готова сказать, что ей пора возвращаться домой, не готова разрушить мир, царивший между ними, но времени не оставалось.

Макс подошёл к ней, небрежно держа футболку на плече.

– Пойдём прогуляемся, – предложил он.

Крепко держась за руки, они шли по пыльной дороге. Макс говорил безумолку, а Мари набиралась храбрости ска-

зять ему правду.

– Я завтра уезжаю.– тихо проговорила она.

– Что?

– Мне пора возвращаться домой.

– Я могу приезжать к тебе в город.

– А что скажет твой отец? Тебе нужно поступать в институт, а мне закончить школу.

Мари отвернулась, не слушая его ответ. Она точно знала, это конец. Она уезжает навсегда. Дома ее ждала обыденная жизнь: скучная и серая, в которой Максу не было места.

– Возьми его, сохрани! В нем заключена наша любовь, – она сняла с шеи полыхающий кулон, вложила ему в руку, и заплакала.

Они долго стояли обнявшись, Мари смотрела на Макса, стараясь навсегда запомнить его лицо.

На рассвете она уехала. С тех пор, камень в подвеске, оставленной на память, всегда оставался холодным.

ЗА ГРАНЬЮ РЕАЛЬНОСТИ

Аделина натянула на голову одеяло, чтобы скрыться от утреннего солнца. Но звуки, доносившиеся из открытого окна, мешали спать. Одной рукой она скинула толстое одеяло и приоткрыла глаза. Жёлтые обои с мелким цветочным узором украшали стены, старый стол, укрытый ажурной скатертью, стоял у окна, а на нем, среди комнатных растений,

сидел большой кот.

Аделина огляделась.

Хоть комната и выглядела чистой, но ей явно требовался ремонт. Она резко села в кровати.

– Наверное я ещё сплю, – она потёрла глаза.

– Не глупи, – сказал писклявый голос.

– Кто здесь? И где я?

– Ты дома.

Аделина медленно встала на ноги и ещё раз осмотрела комнату. Кроме кота в помещении никого не было.

– Черте что, – буркнула она, пытаясь вспомнить, как она очутилась в этом странном месте.

– Эй, что с тобой? Ты здорова? – снова этот голос.

– Кто со мной говорит? – испугано прошептала Аделина.

– Ну ты даёшь! Это я – Барсик.

Она повернулась и уставилась на кота. «Ну, все – приехали! Или это самый идиотский сон, либо я сошла с ума» – подумала она, нервно натягивая джинсы.

– Я не понимаю, что тут происходит. Даже думать не хочу, как я здесь оказалась. А тем более, почему со мной говорит кот. Мне нужно увидеть свою дочь.

– Какую дочь? У тебя же нет детей!

– Как это нет. Я отчетливо помню, как мы с дочкой и внучкой вчера ужинали на Монмартре. Помню, как поднимались в свои апартаменты. Помню, как читала внучке сказку про принцессу и дракона. А теперь я тут, разговариваю с котом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.